

И.Л. Прохоренко*

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: ОПЫТ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

В статье рассмотрены опыт и модели структурирования транснациональных политических пространств в Латинской Америке, выявлены основные региональные и внешние участники этого процесса. Изучение тенденций последних десятилетий дополнено экскурсом в историю, позволяющим понять и оценить факторы, которые способствуют интеграционным процессам или, наоборот, тормозят их на региональном и субрегиональном уровнях. Анализ различных проектов экономической и политической интеграции в Латинской Америке подводит к вопросу о том, можно ли гипотетически рассматривать данный регион как международно-политический (форму транснационального политического пространства) или латиноамериканские страны все больше вовлекаются в контуры других — субрегиональных и бирегинальных — формирующихся политических пространств.

Ключевые слова: Латинская Америка, политическое пространство, транснациональное политическое пространство, региональная интеграция, международно-политический регион.

Политическое пространство представляет собой пространственную конфигурацию политической жизни, форму, выражающую определенные устойчивые отношения между людьми и политическими институтами, индивидуальными и коллективными субъектами и акторами политического процесса по вопросам организации и осуществления власти и управления. Подобная институциональная опора политического пространства дополняется еще и символической — это может быть пространство политических символов, идеологий, политических и/или ценностных предпочтений. Топология политического пространства не обязательно должна иметь географическую основу, хотя способ представления политики через привязку ее элементов к территории может представлять собой один из значимых параметров рассматриваемого явления. В каждом конкретном случае политическое пространство может быть и одномерным, и многомерным с любым числом измерений, поскольку используется для описания взаимосвязей различной природы при исследовании явлений политической жизни и политического про-

* Прохоренко Ирина Львовна — к.п.н., старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН (e-mail: irinapr@imemo.ru).

цесса. Политическое пространство оказывается полезным концептом при изучении изменений в политической жизни в компаративных исследованиях политики государств, малых (внутригосударственных, в том числе не имеющих политико-административных границ) регионов и макрорегионов наднационального и транснационального характера [5; 12; 13; 17; 33; 39; 40].

В условиях глобализации политическая наука проявляет интерес к исследованию транснационализации — создания поверх национальных границ центров и уровней принятия и исполнения решений по вопросам миграции, трансграничной торговли, финансового регулирования, транспортной, экологической, энергетической политики. Негосударственные акторы становятся все более заметными, получая возможность представлять свои интересы за пределами государства; особое значение приобретают международные организации и институты. Критерий пространственной насыщенности отношений внутри территории и ее внешних связей, а также институционализация этих отношений подводят к определению транснационального политического пространства.

Транснациональное политическое пространство — это сложившаяся форма (модель) устойчивых транснациональных связей, в рамках которой негосударственные акторы взаимодействуют поверх национальных границ; на основе общих интересов упорядочивается совокупность принципов, норм и правил, направляющих поведение участников политического процесса. Последнее открывает перспективы создания общих политических институтов и формирования системы многоуровневого управления, предполагающей в том или ином виде наднациональное регулирование. При этом неинституциональные факторы, определяющие специфику и динамику политических процессов (демографические, этно- и социокультурные изменения, перемены в ценностных предпочтениях), играют не меньшую роль, чем факторы институциональные.

Структурирование транснационального политического пространства по горизонтали подразумевает не только его территориальное расширение, но и регулярный повседневный характер горизонтальных транснациональных связей, а также управление по типу горизонтальных неиерархичных политических сетей. Не исключена возможность выстраивания и диагональных связей между субъектами и акторами такого пространства. К основным его качественным характеристикам относятся плотность и степень однородности взаимосвязей между его субъектами.

Одной из форм транснационального политического пространства является международный регион — «комплекс устойчивых транснациональных хозяйственных и/или иных связей, в котором

регулярность и плотность этих связей достигла величины, когда существование комплекса уже требует регулирования этих отношений как самих по себе, так и его связей с непосредственно затрагиваемыми государствами, а также его взаимосвязей с международными и/или глобальными институтами» [7, с. 31].

Подобное понимание международного региона кардинально отличается от того, который используют специалисты по экономической географии или исследователи международных отношений, рассматривающие макрорегионы с точки зрения международной безопасности [23]. В данном случае при использовании концепта политического пространства главное внимание обращено к институционализации устойчивых транснациональных связей различного характера и ее символической опоре в виде политических, идеологических и ценностных предпочтений.

С этой точки зрения исследователей транснационального политического пространства интересует прежде всего феномен региональной интеграции, анализ которого позволяет выявить специфику регулирования сложившихся транснациональных связей, в том числе на наднациональном уровне.

В этом отношении внимание специалистов традиционно обращено к Европейскому союзу (ЕС) как примеру и своего рода эталонному образцу регионального интеграционного объединения. Однако является ли европейский опыт региональной интеграции уникальным? Можно ли не считать его случайным, сравнивая с интеграционными процессами за пределами Европы, выявляя региональную специфику этих процессов, глобальных по своей сути? Анализ региональной интеграции в Латинской Америке позволяет сделать вывод о ее динамике и специфике, рассмотреть особенности институциональных механизмов различных интеграционных проектов. На основании этого можно выявить модель/модели структурирования транснациональных политических пространств, изучить роль фактора идентичности в его/их становлении и, наконец, понять, является ли Латинская Америка международно-политическим регионом, если рассуждать в категориях транснационального политического пространства. Исследовательские усилия в этом направлении могут оказаться весьма полезными при изучении деятельности негосударственных акторов (региональных властей, политических партий, неправительственных общественных организаций, транснациональных корпораций (ТНК), среднего и малого бизнеса, групп интересов и т.д.), которые в условиях формирования транснациональных пространств получают возможность стать более влиятельными участниками политического процесса, действуя в том числе за пределами государства.

От доколумбовой эпохи до достижения независимости

К моменту начала европейской экспансии индейские цивилизации, населявшие территорию современной Латинской Америки, имели уходящий в глубь веков опыт структурирования политического пространства. Первые города-государства майя по типу восточных деспотий появились в Месоамерике в начале нашей эры. Государство ацтеков на территории современной Мексики представляло собой централизованную рабовладельческую деспотию. Империя инков занимала огромную площадь — горные районы Боливии, Перу, Эквадора, некоторые области Аргентины, Колумбии, Чили. Латиноамериканские индейцы обладали письменностью, создали свой календарь, имели навыки высокоразвитого земледелия, разнообразных ремесел, добычи металлов, сложной строительной техники, в том числе монументального строительства.

Европейское завоевание латиноамериканского региона, в первую очередь и главным образом в форме иберийской Конкисты, было не просто серией военных походов. Оно стало протяженной во времени колонизацией и хозяйственным освоением земель американского материка, а в широком смысле — своеобразным историческим проектом двух иберийских народов, которые успешно завершили к концу XV в. Реконкисту — отвоевание у арабов земель Пиренейского (Иберийского) полуострова, одними из первых в Европе создали централизованные государства, положили начало Великим географическим открытиям и строительству мировых империй.

Испанцы и португальцы оказали наибольшее влияние на процесс формирования национальных государств Латинской Америки. С конца XV в. на открытых ими землях постепенно складывались две системы колониального управления — испанская и португальская. Отчасти схожие между собой, эти системы все же отличались своеобразием, и отнюдь не были тождественны тем, которые сложились в метрополиях.

Открытые и завоеванные испанской короной земли, разделенные в административном отношении на вице-королевства, не представляли собой общего политического пространства. Все они были жестко изолированы от внешнего мира и поддерживали связь друг с другом исключительно через метрополию. Запрет был наложен на торговые и иные взаимоотношения с другими государствами.

В руках короны, католической церкви, монашеских орденов, испанских поселенцев и их потомков (креолов) оказались сосредоточены все богатства колоний — земли и рудники. Одному из наиболее влиятельных монашеских орденов — иезуитскому — удалось даже создать некое подобие собственного теократического

государства на территории современного Парагвая, которое просуществовало с 1690 до 1768 г., после чего вступил в силу запрет короля-реформатора Карла III в отношении деятельности данного ордена в Испании и колониях.

Различного рода противоречия между колонизаторами и местным населением, перераставшие в восстания и локальные войны, конфликты между уроженцами метрополий и креолами, наполеоновское вторжение на Иберийский полуостров, фактически прервавшее связи метрополий с колониями, попытки великих держав того времени — Англии и Франции, молодых Соединенных Штатов — поставить под контроль и даже захватить испанские земли в Новом Свете — все это содействовало обретению колониями в Латинской Америке независимости.

В первой трети XIX в. в Западном полушарии появились новые государства: в 1804 г. было образовано Гаити, в 1811 г. — Парагвай, в 1816 г. — Аргентина, в 1818 г. — Чили, в 1819 г. — Великая Колумбия, в 1821 г. — Перу, Мексика, в 1822 г. — Бразилия (провозглашена республикой в 1881 г.), в 1824 г. — Федеральная республика Центральной Америки, в 1825 г. — Боливия (бывшее Горное Перу), в 1830 г. — Уругвай.

В результате распада Федеральной республики Центральной Америки были образованы современные Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Никарагуа, Сальвадор. На территории Великой Колумбии сейчас расположены Венесуэла, Колумбия и Эквадор. В 1844 г. от Гаити отделилась Доминиканская Республика. Испанские Куба и Пуэрто-Рико оставались колониями до конца XIX в.

В отличие от Испанской Америки, огромное по территории пространство Бразилии не распалось. Этот парадокс объясняется историческими обстоятельствами (чрезмерной закрытостью португальской колонии, недопущением малейших контактов с загнившей, получением Бразилией статуса королевства в составе империи, формированием сильного государства) и географическим фактором (отсутствием ярко выраженных природных границ между регионами) [9, с. 18—19].

Идеология латиноамериканизма: от Боливара к Боливарианскому союзу и «глобальному латиноамериканизму»

Стремление объединить независимые республики Испанской Америки в макрорегиональном масштабе наметилось в колониях уже в ходе освободительной борьбы. Лидеры и идеологи движения за независимость — Симон Боливар, Франсиско де Миранда, Бернардо О'Хиггинс, Антонио Хосе де Сукре, Мигель Идальго-и-Костилья, Хосе де Сан Мартин — выступали сторонниками такого

объединения. Достаточно вспомнить грандиозный проект Ф. де Миранды, предложившего в 1790 г. создать единое государство на территории всего латиноамериканского региона — от реки Миссисипи на севере до мыса Горн на юге. Лидеры войны за независимость не без основания опасались вмешательства в дела региона влиятельных иностранных держав. В этой связи, безусловно, показательным для них стал опыт соседних Соединенных Штатов Америки, сумевших создать единое государство и тем самым упрочить обретенную независимость.

Политическому объединению должны были содействовать территориальное соседство, общий для большинства стран язык (испанский и родственный ему португальский), общая история (иберийская Конкиста, колониальная эпоха, борьба за независимость), общая католическая религия. По сути, сам термин «Латинская» Америка как противовес Америке Северной, «англо-саксонской», предложили латиноамериканские интеллектуалы и общественные деятели — чилийский философ Франсиско Бильбао и колумбийский писатель Хосе Мария Торрес Кайседо в середине XIX в. (император Франции Наполеон III лишь удачно использовал данный неологизм, пытаясь оправдать военную интервенцию в Мексику).

Идеи и настроения латиноамериканизма легли в основу проектов объединения бывших владений Испании в единое политическое пространство по типу унитарного или федеративного государства. Однако даже реализованные на практике, некоторые из этих проектов не имели долговременного успеха, уступив негативному влиянию внутренних и внешних факторов. Так, по инициативе С. Боливара, исповедовавшего идеи «освободительного испаноамериканизма», в 1826 г. был созван Панамский конгресс, в котором приняли участие представители Великой Колумбии, Перу, Мексики, Федеральной республики Центральной Америки. Эту встречу можно рассматривать как первую попытку институционализации регионального взаимодействия перед лицом внешней угрозы. Итогом работы конгресса стало подписание четырех важных соглашений, в том числе о совместной обороне республик, но договориться о создании конфедеративного политического образования так и не удалось. Впрочем, и ратифицировала подписанные соглашения только Великая Колумбия, пост президента которой занимал сам С. Боливар.

Политическому объединению мешал в первую очередь рост центробежных настроений не только в регионе в целом, но и внутри молодых республик, а также в их отдельных провинциях. В немалой степени этому способствовали длительные военные действия, серьезный экономический кризис, с которым столкнулись новые государства в период своего становления. Неустойчивость полити-

ческого правления, нестабильная социально-экономическая ситуация в молодых латиноамериканских республиках были причинами частых государственных переворотов. Территориальные разногласия порой выливались в открытые вооруженные конфликты. Например, пограничный спор между Перу и Боливией по поводу района Тарапака-Антофагаста, где в середине XIX в. были обнаружены залежи селитры, перерос в так называемую Вторую тихоокеанскую войну 1864—1866 гг.

Значительное влияние имело и такое специфическое явление общественно-политической жизни в Латинской Америке, как каудильизм, который сформировался в колониальный период вследствие распространения латифундий, имевших нефеодалный характер, и сложившейся социальной структуры ибероамериканского общества. Патриархальные поместья нефеодалного типа (асьенды в испанских колониях или фазенды в Бразилии) были своеобразной формой организации социума и средством контроля над ним: «Любое поместье представляло собой некую модель замкнутого централизованного “государства”, в котором асендадо (или фазендейро) пользовался абсолютной властью, регулировал все стороны жизни обитателей поместья и требовал от них безоговорочного послушания. Одновременно латифундист выступал в роли покровителя “своих” людей, защищал их интересы, предоставлял работу, пропитание и крышу над головой» [10, с. 164]. Владельцы таких поместий, по сути, и представляли собой политический класс новых независимых республик, чем объясняются их обвинения в адрес С. Боливера в имперских амбициях и бонапартизме.

С завершением войны за независимость положение ничуть не изменилось. Более того, в условиях полунатурального хозяйства естественное стремление латифундиста к обособлению своего пространства и максимальной независимости от центральных властей в колониальный период дополнилось в годы военных действий и послевоенной разрухи еще большей тягой к замкнутости, а также необходимостью для помещика создавать собственные вооруженные силы и зачастую самому становиться военачальником. Каудильо мог быть не только крупный землевладелец, но и имевший сторонников из числа родственников и земляков местный лидер, распространивший свою личную власть за пределы «своей» территории поместья, пусть и небольшого. Влиятельные провинциальные каудильо претендовали на лидерство в общенациональном масштабе, соперничая между собой, теряя и обретая сторонников в борьбе за обладание центральной властью, выстраивая иерархическую систему клиентелы. В итоге государственный военный каудильизм стал моделью социально-политической организации общества в молодых республиках в первую очередь бывшей Испанской Аме-

рики. Именно в феномене каудильизма многие исследователи видят причину неудачи на пути объединительных тенденций. Так, на родине С. Боливара — в Венесуэле — каудильизм расцвел особенно пышно, начиная со времен Великой Колумбии, в состав которой Венесуэла входила.

Вне всякого сомнения, свою роль в неудаче проектов политического объединения играли и действия великих держав в регионе, прежде всего США. Считается, что «доктрина Монро» была ответом на предложение С. Боливара, с которым он выступил в 1815 г. на острове Ямайка, о создании единого латиноамериканского государства.

В итоге такие транснациональные образования, как Великая Колумбия (1819—1830) и Федеральная республика Центральной Америки (1824—1839), просуществовали лишь около двух десятилетий. Неудачей окончились также попытки президента Никарагуа Хосе Сантоса Селайи создать Великую Центральноамериканскую республику (1895—1898).

Однако идеи латиноамериканского единства получили дальнейшее развитие, что нашло отражение в концепции «большой родины» — объединения испаноговорящих республик Латинской Америки. Вообще разделение родины и «малой» родины традиционно свойственно иберийской и ибероамериканской культурам в целом. Идея «большой родины» предполагает уже некое трехуровневое положение человека и гражданина в политическом пространстве и, соответственно, возможность множественной идентичности индивида.

Считается, что термин «большая родина» был предложен аргентинским писателем, дипломатом и политическим деятелем идеологии социализма Мануэлем Угарте (1875—1951). В 1922 г. в Мадриде вышла в свет его книга одноименного названия — сборник выступлений автора в различных странах латиноамериканского региона [42]. В своих обращениях к жителям Кубы, Мексики, Гватемалы, Сальвадора, Гондураса, Коста-Рики, Панамы, Венесуэлы, Колумбии, Перу, Чили, Боливии М. Угарте говорил о необходимости единства под лозунгом «Латинская Америка для латиноамериканцев», обличая политику Соединенных Штатов в регионе.

В XXI столетии наследником этих идей и исторического проекта «большой родины» провозгласил себя Боливарианский союз для народов нашей Америки — АЛБА (Alianza Bolivariana para los pueblos de nuestra América — ALBA). С предложением о его создании выступил в 2001 г. на 3-м саммите Ассоциации государств Карибского бассейна президент Венесуэлы Уго Чавес. В декабре 2004 г. в столице Кубы Гаване состоялся учредительный саммит новой организации международного сотрудничества — Боливарианской

альтернативы для обеих Америк (свое нынешнее название и прежнюю аббревиатуру организация носит с 2009 г.). Декларацию о ее создании подписали руководители Кубы и Венесуэлы — Фидель Кастро и Уго Чавес.

Определение «боливарианский» (иногда — «боливариийский») призвано было символизировать возвращение к истокам — идеям и мечтам С. Боливара о латиноамериканском единстве. Уроженец Венесуэлы, он был национальным героем этой страны. Объявив себя последователем его идей, лидер партии «Движение Пятая республика» У. Чавес, придя к власти в стране в 1999 г., организовал референдум по переименованию Республики Венесуэла в Боливарианскую Республику Венесуэла. Наименование «боливарианский» носят все проекты, программы и инициативы У. Чавеса и его соратников.

Венесуэла, одна из крупнейших в мире стран — экспортеров нефти, является безусловным лидером Боливарианского союза. Добыча углеводородного сырья в этой латиноамериканской республике началась незадолго до Второй мировой войны. В условиях роста мировых цен на энергоносители доходы Венесуэлы от экспорта «черного золота» увеличились многократно. Все это позволило руководству страны активизировать внешнеполитическую деятельность, претендуя на роль регионального лидера.

Новая международная организация заявила о себе как об открытом для любого государства латиноамериканского региона проекте, основанном на идее политической, социальной и экономической интеграции. Данный проект был провозглашен альтернативой американской идее создания зоны свободной торговли для Америк и в целом неолиберальному мировоззрению. Он призван был стать попыткой региональной экономической интеграции на основе взаимной поддержки и взаимной экономической помощи в целях строительства социального государства всеобщего благоденствия в противовес простому заключению многосторонних договоров о свободе передвижения товаров и услуг. Так, например, соглашение между Кубой и Венесуэлой, подписанное в декабре 2004 г., предполагало обмен нефтью, а также медицинскими и образовательными кадрами между двумя государствами: Каракас обязался поставлять 96 тыс. баррелей нефти в день Кубе, а Гавана, в свою очередь, направляла 20 тыс. врачей и медицинских работников и тысячи учителей в наиболее бедные штаты Венесуэлы. Ее жители могли также получить специализированную медицинскую помощь на Кубе, причем бесплатно [3].

С самого начала членство в новой региональной группировке стали связывать с латиноамериканскими правительствами «левой ориентации» — социалистическими и социал-демократическими.

К настоящему времени в Боливарианский союз официально вступили 9 республик: Венесуэла, Куба, Боливия, Никарагуа, Доминика, Гондурас, Эквадор, Сан-Висенте и Гранадинас, Антигуа и Барбуда. Для электронных расчетов с 2010 г. действует единая региональная валюта (сукре): показательную торговую сделку с ее использованием уже провели Венесуэла и Куба. Статус наблюдателей имеют Гренада, Гаити, Парагвай, Уругвай, а также Иран. Однако, несмотря на внешнеполитические амбиции венесуэльского президента, вряд ли можно надеяться на превращение его идеологизированного проекта в некое институционально оформленное транснациональное пространство, а тем более — ожидать объединения Латинской Америки в международно-политический регион на основе идей боливарианизма.

Более того, некоторые исследователи уверены, что именно с АЛБА и ее лидером У. Чавесом, который придерживается конфронтационных подходов к международным делам, связано возникновение конфликтных ситуаций между странами региона (Венесуэлой и Колумбией, Эквадором и Колумбией, Перу и Боливией), что негативно отражается на развитии интеграционных процессов и региональной кооперации [20, с. 106].

В вопросе о так называемом глобальном латиноамериканизме — линии латиноамериканских государств на обретение большей самостоятельности в региональной и мировой политике — на особую роль претендует Группа Рио: образованная в 1986 г. в качестве преемницы Контадорской группы, она объединяет все страны Латинской Америки (включая Кубу) и представляет собой постоянно действующий механизм политических консультаций для согласования позиций по ключевым региональным и международным проблемам. Группа Рио организует ежегодные совещания глав государств и правительств стран-участниц, решения по итогам которых принимаются на основе консенсуса, а также встречи на уровне министров иностранных дел и при необходимости — контакты министров по другим направлениям.

Эксперты по-разному оценивают деятельность Группы Рио. Одни давно указывают на ее активное намерение исполнять часть функций, принадлежащих Организации американских государств (ОАГ), что сделало параллельное существование двух политических группировок в Западном полушарии — панамериканской и латиноамериканской — свершившимся фактом [8, с. 349]. Это мнение подтверждает и резолюция Съезда единства латиноамериканских и карибских государств, состоявшегося в феврале 2010 г. в мексиканском городе Плайя-дель-Кармен, о создании Сообщества латиноамериканских и карибских государств. Президенты и главы правительств 32 стран приняли решение учредить Сообщество как региональное пространство для всех находящихся на его

территории латиноамериканских республик. Формат и цели этой общерегиональной межправительственной организации определены в самом общем виде, но понятно стремление ее учредителей сформировать противовес патронируемой Вашингтоном ОАГ (новая организация не будет включать Канаду и Соединенные Штаты Америки). По-видимому, формирование этой субрегиональной интеграционной группировки стало стимулом возрождения идеи латиноамериканского единства в условиях глобального финансово-экономического кризиса.

Однако существуют и другие оценки Группы Рио как механизма многосторонней дипломатии. Так, известная российская латиноамериканистка М.Л. Чумакова считает, что Группа Рио и субрегиональные парламенты выполняют функцию хранителей международно-правовых традиций, служа неким камертоном при выработке общей латиноамериканской позиции, но мало влияют на меняющуюся конфигурацию межлатиноамериканских отношений [20, с. 96].

Особенности субрегиональной интеграции в Латинской Америке

Ранее уже было сказано о тех общих чертах, которые являются факторами, содействующими объединению латиноамериканских государств в некие субрегиональные и даже региональные международно-политическое пространства. Объективно способствует экономической интеграции и то наследие колониальной эпохи, которое выразилось в одностороннем развитии национальных экономик региона — их монокультурной аграрной или моносырьевой направленности.

В то же время историческое, лингвистическое, конфессиональное, культурное сходство дополняется существенными различиями, которые на первый взгляд не видны, однако становятся особенно явными, когда речь идет о том или ином интеграционном проекте на пространстве региона. Различия эти носят не только политический характер — речь идет и об экономических особенностях государств Латинской Америки, и о разнонаправленности их экономических интересов.

Территорию региона в географическом плане принято делить на субрегионы. Это страны Карибского бассейна, или Месоамерика (Мексика, Центральная Америка, часть северного побережья Южной Америки, острова Вест-Индии); Андские страны (Боливия, Венесуэла, Колумбия, Перу, Чили, Эквадор); страны Ла-Платы (Аргентина, Бразилия, Парагвай, Уругвай). Иногда отдельным субрегионом называют самое большое по площади и численности населения латиноамериканское государство, занимающее, кстати, пятое место в мире по данным показателям, — Бразилию.

Исходя из формальной типологии по характеру экономики и уровню социально-экономического развития, латиноамериканские страны относят к развивающимся и расположенным на периферии глобального пространства. Исключение составляет лишь социалистическая Куба, фактически находившаяся вплоть до последнего времени за рамками интеграционных группировок на континенте. Эта страна делает только первые шаги от административно-командной системы к рыночной.

Развивающиеся экономики, в отличие от развитых, отличаются такие черты, как многоукладность, узкая специализация на производстве ограниченного ассортимента сельскохозяйственной продукции либо на добыче одного или нескольких видов полезных ископаемых, преобладание аграрного и индустриального секторов в отраслевой структуре хозяйства, научно-технологические отставание и зависимость, высокая доля госсектора и государственного вмешательства в экономику. Все это в некоторой степени компенсирует слабость национального частного капитала, выраженное социальное неравенство и низкий уровень социальной защиты.

Однако и в этой многочисленной группе стран есть свои различия. В «верхнем эшелоне» находятся государства со сравнительно современной структурой экономики, большим показателем валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения, высоким индексом человеческого развития. Среди них выделяют подгруппу новых индустриальных стран (в первую очередь Аргентину, Бразилию, Мексику, Чили), которые в последние десятилетия продемонстрировали высокие темпы экономического роста за счет активной индустриализации, благодаря этому сумели значительно сократить свое отставание от развитых экономик и уже обрести некоторые типологические признаки последних.

Венесуэла, хотя и является одним из крупнейших мировых экспортеров нефти, не может быть причислена к данной подгруппе. Экономисты традиционно относят ее к странам «крупноанклавного» развития капитализма наряду с Чили, Ираном и другими, типологизируя экономики по отраслевой структуре ВВП. Особенностью этих государств стало то, что незначительная часть самодостаточного населения (экономический анклав), принимающая участие в добыче, частичной переработке и экспорте нефти, по сути, производит основную долю общественного продукта и обеспечивает наибольшие поступления в государственный бюджет.

К странам «второго эшелона», которым свойственна экспортная ориентация промышленности, относятся Боливия, Колумбия, Парагвай, Перу, Эквадор.

Зависимое плантационное хозяйство характерно для небольших по размерам и наименее развитых государств Центральной

Америки (Гаити, Гватемалы, Гондураса, Доминиканской Республики, Коста-Рики, Никарагуа, Сальвадора). Аграрная специализация экономики, высокая доля в экспорте продукции сельского хозяйства сочетаются с отсутствием ощутимых экономических ресурсов для преодоления вековой отсталости и бедности наряду с неблагоприятной внутриполитической и социальной обстановкой.

Некоторые эксперты склонны полагать, что в Латинской Америке появились достаточно устойчивые субрегиональные транснациональные экономические пространства. Они включают хорошо интегрированные экономики и сложились в целом в соответствии с традиционным делением региона на субрегионы по географическому принципу. При этом одним из главных доказательств, подтверждающих существование экономического пространства, исследователи-экономисты считают статистические показатели взаимной (между странами) торговли товарами и услугами [22].

Субрегион Центральной Америки и Карибского бассейна

Особенность латиноамериканского региона состоит в том, что интеграционные процессы начались именно в Центральной Америке, а их участниками стали наименее развитые в социально-экономическом отношении страны. При этом общая лингвистическая принадлежность и связи с бывшей метрополией являются немаловажными факторами, содействующими объединению.

В 1960 г. Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Никарагуа и Сальвадор подписали соглашение о создании Центральноамериканского общего рынка (ЦАОР), целью которого были объявлены ликвидация пошлин во внутризональной торговле и введение в течение 20 лет единого внешнего тарифа. На сегодняшний день на 96% продуктов, производимых государствами-участниками, распространяется режим свободной торговли (остальные, наиболее важные — кофе, сахар, алкогольные напитки и продукты переработки нефти — признаны уязвимыми и не подпадают под его действие).

В 1973 г. возникло Карибское сообщество, объединяющее сегодня 15 государств и зависимых территорий Карибского бассейна (официальные языки которых — французский, английский и голландский), 5 ассоциированных членов (британские заморские территории) и 7 наблюдателей (испаноязычные Венесуэла, Доминиканская Республика, Колумбия, Мексика, Пуэрто-Рико, а также входящие в состав Королевства Нидерландов Аруба и Нидерландские Антильские острова).

Главными задачами этой региональной организации были провозглашены развитие экономического сотрудничества и интеграции между государствами-членами при равном распределении преиму-

шеств последней, а также координация внешнеполитической деятельности [36]. В рамках Карибского сообщества функционирует общий рынок, налажена процедура разрешения торговых споров между участниками, осуществляется координация экономической политики, планирования и реализации проектов экономического развития, сформирована институциональная структура в соответствии с целями и задачами организации. С 2007 г. на территории сообщества действует паспорт единого образца, достигнута договоренность о свободном передвижении граждан государств-членов, на повестке дня стоит вопрос о введении единой валюты.

По типу Карибского сообщества в 1981 г. была создана Организация государств Восточного Карибского бассейна. Список ее 7 членов и 2 стран с ассоциированным членством весьма напоминает состав Карибского сообщества, а сама организация обладает очень схожей институциональной структурой. Шли переговоры и о введении паспорта единого образца, однако от этой идеи отказались после вступления в действие единого паспорта Карибского сообщества. После длительных обсуждений был разработан проект соглашения об экономическом союзе, который предполагает свободное передвижение капиталов, товаров, услуг и рабочей силы в рамках организации.

На основе ЦАОР сложилась еще одна региональная группировка — Система центральноамериканской интеграции, которая в настоящее время объединяет 8 испаноговорящих государств (Гватемалу, Гондурас, Доминиканскую Республику, Коста-Рику, Никарагуа, Панаму, Сальвадор), а также Белиз, где официальным языком является английский. Статус наблюдателей имеют как страны Латинской Америки (Аргентина, Мексика, Бразилия, Чили), так и государства, не принадлежащие к данному макрорегиону (Испания, Италия, Германия, Китай, Тайвань, Япония). Созданная в 1991 г. и действующая фактически с 1993 г. группировка позиционирует себя как интеграционное региональное объединение в политической, экономической и культурной областях, имеющее исторические корни в субрегионе. Так, сформированный в 1991 г. в рамках организации Центральноамериканский парламент считается возрождением в новых исторических условиях Федеральной республики Центральной Америки. Институциональная структура группировки включает также ЦАОР, Центральноамериканский банк содействия экономической интеграции, Центральноамериканский суд. Проходят регулярные встречи на уровне глав государств и правительств, их первых заместителей, министров иностранных дел; постоянно действуют генеральный секретариат, консулгативный и исполнительный комитеты.

Показательно, что интеграционные процессы в центральноамериканском субрегионе не ограничиваются рамками перечисленных группировок. С 1994 г. начала функционировать Ассоциация Карибских государств, поставившая своей целью наладить региональное сотрудничество и взаимодействие между всеми странами Карибского бассейна. В ее многочисленном составе 25 постоянных и 4 ассоциированных члена, статус наблюдателей имеют 12 государств (в том числе Россия и Украина) и 6 международных организаций.

Таким образом, особенностью центральноамериканского субрегиона является присутствие на его территории нескольких интеграционных группировок. Подобный опыт в мировой практике не единственный: в Европе, например, наряду с ЭЭС/ЕС существует с 1960 г. Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ), а с 1992 г. — Центральноевропейское соглашение о свободной торговле. Однако два последних варианта регионального объединения вряд ли можно рассматривать в качестве альтернативной Евро-союзу концепции интеграции. Они представляют собой исключительно зоны свободной торговли, причем в весьма ограниченном виде, не претендуя на более глубокие формы взаимодействия.

Вероятно, неоправданно большое количество естественно конкурирующих между собой региональных объединений на территории небольшого по площади субрегиона объясняется экономической отсталостью и неустойчивостью социального и внутривнутриполитического развития государств Центральной Америки и Карибского бассейна. Вместе с тем исключительное стратегическое положение данной территории не может существенным образом затормозить ее маргинализацию в глобальном пространстве, а внимание со стороны мировых держав, прежде всего Соединенных Штатов Америки, не является залогом успеха интеграционных процессов в отсутствие влиятельных субрегиональных лидеров, которые могли бы стать локомотивом субрегиональной интеграции.

Субрегион Южной Америки

Свои модели создания транснационального пространства в Южной Америке предложили Андское сообщество наций, Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР, Mercado Común del Cono Sur — MERCOSUR) и Южноамериканское сообщество наций. На наш взгляд, к настоящему времени все три группировки можно рассматривать не только как самостоятельные интеграционные проекты, но и как последовательные исторические периоды становления региональной интеграции развивающихся экономик «первого» и «второго» эшелонов в Латинской Америке. На каждом из этих этапов менялись инструменты сближения и объединения,

цели и задачи интеграции, круг ключевых участников процесса структурирования транснационального пространства. При этом во все периоды роль если не катализатора, то стимулятора тенденций объединения в Южной Америке играл постоянно развивающийся европейский интеграционный проект.

Андское сообщество наций было образовано в 1969 г. под названием Андский пакт как торговый союз пяти южноамериканских республик — Боливии, Колумбии, Перу, Чили и Эквадора — со штаб-квартирой в Лиме (Перу) (нынешнее свое наименование организация носит с 1996 г.).

В 1973—2006 гг. членом Андского сообщества наций была Венесуэла. В 1976 г. вышла из организации Чили, оставаясь, однако, в течение 30 лет наблюдателем и получив в 2006 г. статус ассоциированного члена. Решение о выходе страны из сообщества было принято чилийским президентом Аугусто Пиночетом, заявившим о несовместимости принципов экономической политики его правительства с целями организации.

На сегодняшний день в Андском сообществе наций состоят Боливия, Колумбия, Перу, Эквадор; ассоциированными членами являются Аргентина, Бразилия, Уругвай, Парагвай, Чили; статус наблюдателя имеют Мексика и Панама.

Институциональная структура сообщества включает Совет глав государств и правительств, Совет министров иностранных дел, Комиссию, Андский суд, Андский парламент, резервный фонд. С 2005 г. в рамках организации действует безвизовый режим, за период 2001—2006 гг. был введен паспорт единого образца.

Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР) был образован в 1991 г. как таможенный союз в составе Аргентины, Бразилии, Парагвая и Уругвая. Его ассоциированными членами являются Колумбия, Перу, Чили, Эквадор. Боливия и Венесуэла находятся в процессе присоединения к этой региональной группировке.

Своими задачами МЕРКОСУР провозгласил свободное движение товаров и услуг, учреждение единых внешних таможенных пошлин, выработку государствами-членами общей торговой политики, координацию макроэкономической и отраслевой политики между участниками, гармонизацию законодательства для ускорения процесса интеграции в рамках данного объединения [41]. Тем не менее эти задачи были решены на практике лишь частично. Так, не удалось достичь полной либерализации торговли в рамках интеграционного блока. Если и существуют общие внешние таможенные тарифы, то с многочисленными исключениями: любой участник группировки вправе составить список тех товаров, на которые система общих внешних таможенных тарифов не распространяется, и обновлять его каждые полгода. Кроме того, не удалось достичь

согласованной координации торговой политики государств-членов. Не смогла помочь в поиске компромиссных решений и весьма разветвленная институциональная структура МЕРКОСУР по типу многоуровневого управления ЕС, включающая различные консультативные форумы с участием муниципалитетов и организаций гражданского общества [34].

Оценки деятельности МЕРКОСУР в специальной литературе весьма разнятся. Некоторые исследователи считают проект успешным [19, с. 549; 3]. Другие уверены, что ему свойствен выраженный экзистенциальный кризис, и скептически смотрят на среднесрочные перспективы потенциала развития субконтинента в силу недееспособности государства в Латинской Америке, объясняемой стремительно нарастающими политико-институциональными дефектами стран региона. Такую мысль высказывает, например, Йорг Фауст из Института политологии Университета им. Йоганнеса Гутенберга (Майнц). Он полагает, что «региональная готовность к сотрудничеству в Латинской Америке пребывает в состоянии стагнации, так как она требует компромиссов, кропотливо вырабатываемых в ходе переговоров на межправительственном уровне в тесном согласовании с общественными игроками. Однако ввиду нестабильной внутривнутриполитической ситуации большинство правительств субконтинента в настоящее время едва ли в состоянии продвигать вперед международную координацию и гармонизацию комплексных полей политики» [18, с. 33].

Несмотря на сложности на пути интеграционных процессов, южноамериканские региональные группировки приняли в 1999 г. решение начать переговоры о создании так называемой Южноамериканской зоны свободной торговли. Свою роль в этом сыграла инициатива бывшего президента США Джорджа Буша-старшего по формированию единой зоны свободной торговли для Америк — АЛКА (Free Trade Area of the Americas — FTAA; Área de Libre Comercio de las Américas — ALCA). Реализацию подобного проекта обсуждали на «саммитах Америк» с 1994 г.

Недовольство планами Вашингтона создать панамериканский рынок выразила в первую очередь Бразилия, которая играет решающую роль в МЕРКОСУР. Вслед за ней другие южноамериканские республики тоже увидели угрозу субрегиональной интеграции, исходящую от проекта АЛКА. Свой вариант ответа на инициативу Соединенных Штатов предложил, как уже было отмечено, президент Венесуэлы У. Чавес. В свою очередь, члены Андского сообщества наций Колумбия и Перу выразили готовность присоединиться к проекту США.

В декабре 2004 г. в Куско (Перу) было подписано соглашение между МЕРКОСУР и Андским сообществом. Кроме того, оба тор-

говых блока в лице глав государств и правительств 12 стран-участниц и 2 наблюдателей (Мексики и Панамы) заявили о начале переговоров о создании новой интеграционной группировки, которая объединила бы весь южноамериканский субрегион по типу ЕС. Формально новый Союз южноамериканских наций (УНАСУР, Unión de Naciones Suramericanas — UNASUR) был учрежден в мае 2008 г. в Бразилии (Бразилия). Штаб-квартиру объединения решено было разместить в Кито (Эквадор), однако после избрания в мае 2010 г. генеральным секретарем организации на двухлетний срок бывшего президента Аргентины Нестора Киршнера начать работу штаб-квартира должна была в Буэнос-Айресе (Аргентина). Смерть Н. Киршнера и избрание в марте 2011 г. на пост генерального секретаря УНАСУР Марии Эммы Мехия Велес, видного колумбийского политика, общественного деятеля и журналиста, вновь вернули штаб-квартиру организации в Кито. К тому же президент Эквадора Рафаэль Корреа является в настоящее время председателем высшего органа данного объединения — Совета глав государств и правительств.

Одной из первых инициатив УНАСУР стало создание в два этапа — к 2014 и 2019 гг. — общего рынка на основе таможенного союза. Столь быстрых результатов можно достичь, как считают организаторы, путем конвергенции двух существующих субрегиональных интеграционных группировок — Андского сообщества наций и МЕРКОСУР.

Главами государств и правительств стран — основателей нового объединения (Аргентины, Боливии, Бразилии, Венесуэлы, Парагвая, Уругвая, Эквадора) в декабре 2007 г. был учрежден Южноамериканский банк с уставным капиталом в 7 млрд долл. США. Региональные отделения банка будут открыты в Буэнос-Айресе (Аргентина), Каракасе (Венесуэла), Ла-Пасе (Боливия). Задачами этой структуры станет финансирование проектов экономического развития регионов, научно-технический и технологический прогресс государств-членов в целях укрепления и углубления субрегиональной интеграции, сокращения неравномерного развития интеграционного пространства на основе равного распределения инвестиций¹.

Главными направлениями регионального сотрудничества в рамках УНАСУР выступают: транспорт, энергетика и коммуникация — Инициатива по развитию южноамериканской региональной интеграции в области инфраструктуры; финансовая сфера — создание региональных финансово-инвестиционных институтов (таких как Банк Юга, Региональный стабилизационный фонд), проект введе-

¹ Текст Учредительного договора, документы и материалы Союза южноамериканских наций, а также сведения об институциональной структуре УНАСУР можно найти на официальном сайте новой организации [43].

ния единой валюты; социальная сфера — Совет по здравоохранению, Совет по образованию, культуре, науке, технологиям и инновациям. В марте 2008 г. в связи с конфликтом на границе Эквадора и Колумбии по инициативе президента Бразилии был создан Южноамериканский совет обороны в качестве организации региональной безопасности по типу НАТО. В марте 2009 г. состоялось первое заседание нового совета с участием 12 государств.

В настоящее время членами Союза южноамериканских наций являются: Боливия, Колумбия, Перу, Эквадор (Андское сообщество наций); Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Парагвай, Уругвай (МЕРКОСУР); Чили (ассоциированный член Андского сообщества и МЕРКОСУР); Гайана, Суринам (Карибское сообщество). На роль безусловного лидера претендует Бразилия, восходящая «страна-гигант» в глобальной экономике, предпринимая попытки выстроить новую модель регионального сотрудничества.

Соединенные Штаты и другие внешние участники процесса структурирования политического пространства Латинской Америки

В латиноамериканском регионе с момента его открытия европейцами сходятся интересы многих мировых держав. С появлением колоний здесь начали свое соперничество Испания и Португалия, чуть позже — Голландия и Франция, затем — Англия и США. Идеи европейского Просвещения, Великой французской и Американской революций XVIII в. оказали значительное воздействие на мировоззрение идеологов антиколониального движения.

В первой половине XIX в., в годы войны за независимость и первые десятилетия становления молодых республик, менялись границы и конфигурация не только новых независимых государств, но и латиноамериканского региона в целом как пространства Иberoамерики.

Казалось бы, политика США резко контрастировала с политикой европейских колониальных империй: последние собирали свои территории с помощью вооруженных захватов, аннексии же молодых Соединенных Штатов представляли собой сделки «купли-продажи». Так, в обмен на свой фактический нейтралитет Вашингтон приобрел у Испании Флориду и выражал надежду получить и Кубу. В 1845 г. США аннексировали мексиканскую провинцию Техас, а в итоге развязанной ими вслед за этим войны 1848 г. заставили Мексику уступить им за 18 млн долл. Калифорнию. Южная часть Аризоны и Новая Мексика были куплены у Мексики в 1853 г. за 10 млн долл. (известная «покупка Гэдсдена»). За 20 млн долл. побежденная в испано-американской войне 1898 г. Испания уступила США контроль над Кубой, Пуэрто-Рико, Гуамом и Филиппинами.

Действительная разница между «северным соседом» и европейскими державами состояла в том, что Соединенные Штаты Америки сами представляли собой федерацию бывших английских колоний, которые обрели свободу также в ходе войны за независимость. Пример Американской революции вдохновлял идеологов и руководителей освободительной борьбы в Латинской Америке [38].

Военные интервенции в отношении независимых латиноамериканских государств осуществляли в XIX в. и европейские державы (Англия — против Парагвая и Кубы, Франция — против Мексики, Англия и США — против Никарагуа). Испания также не оставляла надежду вернуть себе заокеанские владения.

Начало притязаниям набирающего международное влияние североамериканского соседа на признание Латинской Америки своей вотчиной было положено провозглашением в 1823 г. «доктрины Монро», имевшей одной из своих главных целей не допустить реставрации колониального господства европейских держав и их вмешательства в дела латиноамериканского региона. В XIX и начале XX в. именно США стали главным внешним участником процесса структурирования транснационального политического пространства на этой территории. К концу XIX в. соперничество за влияние на латиноамериканские страны развернулось фактически между двумя основными игроками — Англией и быстро набравшими силу Соединенными Штатами. Последние, хотя и отставали от «владычицы морей» в плане экономических позиций в регионе, проводили там все более активную политику [8; 14—16; 30].

Эта активность проявилась, например, в так называемом венесуэльском конфликте 1902—1903 гг., когда американской администрации удалось сыграть роль арбитра между правительствами Англии и Германии как кредиторов, с одной стороны, и властями Венесуэлы как должника — с другой. Именно Соединенные Штаты содействовали провозглашению независимости Панамы от Колумбии в собственных геополитических интересах, получив по договору 1903 г. Панамский перешеек — территорию исключительной военной и экономической стратегической важности для строительства и эксплуатации судоходного канала, соединившего Панамский залив Тихого океана с Карибским морем и Атлантическим океаном. Преследуя аналогичные геополитические цели, США примерно в то же время добились политического контроля над Никарагуа, через территорию которого также было возможно строительство межокеанского канала, альтернативного Панамскому.

Зона последнего фактически превратилась в колониальный анклав, на который распространялась не только юрисдикция, но и политическая и экономическая власть Вашингтона. На террито-

рии Панама были размещены военные базы Соединенных Штатов, а американский капитал занял ключевые позиции в экономике страны. Эта ситуация сохранялась вплоть до декабря 1999 г., когда по договору Торрихоса—Картера 1977 г. зона перешейка была передана в руки Панама [1]. В настоящее время работой канала руководит государственное учреждение — Администрация Панамского канала.

Латинская Америка в силу прежде всего геополитических причин прочно вошла в сферу постоянных национальных интересов США. Этот выбор в целом не зависел от партийно-политической принадлежности главы американской администрации, хотя, конечно, место и роль этого макрорегиона в иерархии внешнеполитических приоритетов Соединенных Штатов менялись по мере того, как американские интересы становились все более глобальными. В свою очередь, менялся и характер взаимоотношений между северным и южными соседями. Последние постепенно перестали быть зависимыми сателлитами и начали превращаться в партнеров, пусть и младших.

В 1904 г. американский президент-республиканец Теодор Рузвельт заявил о том, что Соединенные Штаты берут на себя выполнение «полицейских» функций в Западном полушарии (политика «большой дубинки» как расширенное толкование «доктрины Монро»). Его преемник, также представитель Республиканской партии Уильям Тафт успешно сочетал «дипломатию доллара» с «дипломатией канонерок». Сменивший У. Тафта демократ Вудро Вильсон принял решение о военном вмешательстве в дела соседней Мексики в период революционных событий в этой стране в 1910—1917 гг. Республиканец Кэлвин Кулидж неоднократно заявлял о законности вооруженного вмешательства для защиты американских инвестиций за рубежом.

В 1933 г. демократ Франклин Рузвельт объявил об отказе от политики «большой дубинки». Он провозгласил новую доктрину — «добраго соседства», устранив наиболее грубые и откровенные формы экспансии США в латиноамериканский регион. Вторая мировая война окончательно закрепила военно-политическую и финансово-экономическую гегемонию Соединенных Штатов в Латинской Америке.

Обоснованием американского вмешательства служила также идеология панамериканизма, основанная на признании географической, исторической, экономической и культурной общности народов всего Американского континента. Под эгидой Соединенных Штатов с 1880-х годов регулярно (примерно раз в четыре года) проходят панамериканские конференции. По сути, США перехватили инициативу созыва таких форумов у лидеров латиноамери-

канских республик, стремившихся к объединению перед угрозой вторжения со стороны колониальных держав. Первый подобный конгресс был создан по инициативе С. Боливара в 1826 г. в Панаме, последующие состоялись в 1847—1848 гг. в Лиме (Перу), в 1856 г. — в Сантьяго (Чили), в 1864—1865 гг. — снова в Лиме.

В работе I Панамериканской конференции 1889—1890 гг. в Вашингтоне приняли участие США и все латиноамериканские страны, за исключением Доминиканской Республики. По итогам встречи было решено учредить Международный союз американских республик для взаимного обмена экономической информацией и создать при нем постоянное Коммерческое бюро американских республик. Администрация США предложила также проект меж-американского таможенного союза, который, однако, не встретил поддержки со стороны латиноамериканских государств. Коммерческое бюро было переименовано на II Панамериканской конференции в 1902 г. в Мексике в Международное бюро американских республик, а в 1910 г. на IV Панамериканской конференции — в Панамериканский союз. Таким образом, США и латиноамериканские государства заявили о намерении оформить институционально стремление сотрудничать не только в экономической, но и в политической сфере. На конференции 1947 г. в Рио-де-Жанейро был подписан Договор об обороне Западного полушария. На последующих встречах участники обсуждали вопросы межамериканского экономического взаимодействия и экономической помощи странам Латинской Америки. Фактически речь шла о создании региональной системы в Западном полушарии при гегемонии США.

Главным инструментом этой гегемонии стала Организация американских государств со штаб-квартирой в Вашингтоне, созданная на IX Панамериканской конференции в Боготе (Колумбия) в 1948 г. на базе Панамериканского союза. Целями ОАГ формально были провозглашены поддержание мира и безопасности на континенте, мирное урегулирование споров между государствами-членами, организация совместных действий против агрессии, разрешение общими усилиями политических, юридических и экономических проблем [24]. Однако в СССР вслед за новым кубинским руководством эту организацию в 1950—1960 гг. с полным основанием называли «министерством колоний» Соединенных Штатов [2; 4], ведь отношения США и остальных участников не выходили далеко за рамки подчинения сателлитов гегемону.

В настоящее время в состав ОАГ входят 34 государства (в 2009 г. приостановлено членство Гондураса; Куба, исключенная из организации в 1962—2009 гг., также не принимает участия в ее работе). ОАГ неоднократно подвергалась структурной перестройке. В ходе непростой, прежде всего для Соединенных Штатов Америки, эво-

люции организация постепенно превратилась в политический форум многостороннего диалога в целях налаживания интеграционных связей и принятия совместных решений в рамках всего Американского континента.

Другим крупным субъектом мировой политики, стремящимся закрепить свое влияние в Латинской Америке, стал Европейский союз, который стимулирует аналогичные собственным интеграционные процессы на континенте, а значит, формирует там контуры и модели новых транснациональных пространств. Более того, европейский интеграционный проект отводит странам региона важное место в своей международной стратегии. Евросоюз выстраивает отношения с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна на нескольких основных уровнях сотрудничества — многостороннем (общерегиональном и субрегиональном) и двустороннем (с отдельными странами). С 1999 г. проходят регулярные саммиты ЕС — ЛАКБ, с 2006 г. действует Европейско-латиноамериканская парламентская ассамблея ЕВРОЛАТ, налажено взаимодействие ЕС с такими региональными группировками, как МЕРКОСУР, Андское сообщество наций, Группа Рио [35; 27]. Однако обилие субрегиональных интеграционных образований на континенте значительно осложняет развитие многостороннего сотрудничества Евросоюза со странами региона.

Во многом схожую роль в Латинской Америке играют и интеграционные процессы в Юго-Восточной Азии, впрочем, сами испытывающие на себе влияние опыта строительства транснационального политического пространства в Европе. В 2000-е годы шли активные двусторонние и многосторонние переговоры (по линии МЕРКОСУР — Китай, МЕРКОСУР — Южная Корея) о создании зон свободной торговли между латиноамериканскими государствами и странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Соглашения о свободной торговле были заключены, например, в 2003 г. между Чили и Южной Кореей, в 2004 г. — между Мексикой и Японией.

В Северной Америке начало экономической интеграции положило канадско-американское соглашение о создании зоны свободной торговли, вступившее в силу в январе 1989 г. В 1994 г. с подключением к соглашению Мексики была образована Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА, North American Free Trade Agreement — NAFTA). Неравные исходные позиции участников (США и Канада являются промышленно развитыми странами, Мексика относится к числу развивающихся экономик) предопределили имманентно присущую североамериканской интеграции асимметрию, а также естественное развитие «на двух скоростях». В то же время цели и сама модель этих интеграционных процессов существенно отличаются от европейских.

Целью североамериканской интеграции является не политический союз, а устранение барьеров на пути торговли и инвестиций между США, Канадой и Мексикой. В этой связи задачи данного регионального объединения — это защита капиталовложений американских ТНК от экспроприации в Мексике, обеспечение стабильности и бесперебойности энергетических и других сырьевых поставок в масштабе континента, содействие проведению структурной перестройки экономик партнеров США по группировке, гарантирование необратимости демократических преобразований в Мексике и втягивание этой страны в американскую (а в более широком плане — в западную) орбиту, общее повышение эффективности транснационального производства в масштабах объединенного рынка и на этой основе — усиление международной конкурентоспособности товаров, производимых членами блока, и подъем жизненного уровня населения [6, с. 17—18].

Одними из отличий североамериканской модели интеграции от европейской являются, по мнению исследователей, отсутствие наднациональных институтов в НАФТА и минимальное количество межгосударственных органов с консультативными и рекомендательными функциями [6; 29]. С одной стороны, это объясняется традиционным нежеланием американцев поступаться своим суверенитетом, с другой — опасениями Канады, а тем более Мексики, по поводу чрезмерного влияния США в институтах подобного рода, если они будут учреждены.

Развитие интеграционных процессов в Северной Америке, казалось бы, открыло перед латиноамериканскими странами многообещающие перспективы с точки зрения присоединения к ним. Так, свое нежелание расширять НАФТА Соединенные Штаты решили компенсировать предложением создать к 2005 г. единую, от Аляски на севере до Огненной земли на юге, зону свободной торговли для Америк (АЛКА). Несмотря на то что к 1 января 2005 г., как было запланировано, не удалось завершить переговоры, интерес к этой идее проявили многие латиноамериканские страны. Сохраняется мнение, что «Латинская Америка в целом воспринимает США в начале третьего тысячелетия как безусловного арбитра, не имеющего в мире равного противовеса, как лидера Западного полушария, асимметрично-партнерские отношения с которым не имеют альтернативы. Для США в условиях миропорядка XXI в. Латинская Америка во всем ее многообразии продолжает оставаться тылом — но не “задним двором”, как в иные времена, в рамках единого геополитического пространства» [19, с. 551]. В то же время некоторые исследователи заявляют о сокращении экономического влияния и «ухуде» Вашингтона из Южной Америки, где число его безусловных союзников резко сократилось, о завершении эры

американской гегемонии в регионе: «Пока еще сохраняют ориентацию на Вашингтон Мексика и страны Центральной Америки (за вычетом Никарагуа), Перу и Колумбия, являющаяся главным реципиентом американской военной помощи. Колумбия была и остается стратегическим союзником Вашингтона в Андском регионе» [20, с. 95]. Следует признать, что с началом «ухода» США из Латинской Америки сокращается и влияние ОАГ на этой территории.

Говоря о внешних участниках процесса структурирования транснациональных политических пространств в латиноамериканском регионе, нельзя не сказать о стремлении европейских держав — бывших метрополий, которым принадлежали колонии в Новом Свете, сохранять и укреплять особые отношения с прежними заокеанскими владениями, пытаясь придать институциональное оформление сообществам народов, имеющих общие исторические корни и говорящих на одном языке. Подобные сообщества как международные организации были созданы во второй половине XX в., но идеи их формирования, а также общественные движения в поддержку этих идей появились задолго до этого, в последней трети XIX столетия, практически одновременно с оформлением идеологии панамериканизма. Ибероамериканское сообщество наций, Глобальное сообщество франкоговорящих государств и народов, Сообщество португалоязычных стран представляют собой формы транснационального политического пространства, в которых особую роль играют транснациональные диаспоры — диаспоральные «миры», опирающиеся на общую культурную память. Роль связующего звена таких «миров» играет воспроизводство элементов имперской и постимперской идентичности.

Так, международная организация Глобальное сообщество франкоговорящих государств и народов со штаб-квартирой в Париже основано в 1970 г. и включает 56 постоянных и 3 ассоциированных члена, а также 14 наблюдателей. Организация имеет статус наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН, предполагает привлечение к своей работе франкофонных регионов Бельгии и Канады, а кроме того — налаживание взаимодействия государственных и частных активистов, способствующих укреплению особых связей между франкоговорящими людьми. Каждые два года проходят встречи на высшем уровне в рамках организации, действуют такие институты, как конференции на уровне министров, постоянный совет (в составе представителей государств-членов), межправительственное агентство с головным офисом в Париже и региональными отделениями в Габоне, Того и Вьетнаме. Одной из своих главных задач организация считает поддержку французского языка и содействие его распространению для развития межгосударственного и международного общения в условиях глобализации. Члены дан-

ного объединения — латиноамериканские государства, в которых французский язык является официальным или родным для значительной части населения, — Гаити, Доминика, Санта-Люсия, Сан-Томе и Принсипе.

Народы Португалии и ее бывших колоний аналогичным образом объединило Сообщество португалоязычных стран, созданное в 1996 г. (штаб-квартира исполнительного секретариата этой международной организации находится в Лиссабоне). Из восьми государств-участников два находятся в Латинской Америке (Бразилия и Сан-Томе и Принсипе), статус ассоциированного члена имеет Венесуэла.

Однако наибольшее влияние в латиноамериканском регионе приобрела международная межправительственная Организация ибероамериканских государств по делам образования, науки и культуры. Она была создана в качестве международного агентства в 1949 г. в Мадриде на I Ибероамериканском конгрессе по вопросам образования под названием Ибероамериканское бюро по вопросам образования, а свое нынешнее название получила в 1954 г. на II Ибероамериканском конгрессе по вопросам образования в Кито (Эквадор). В 1985 г. ибероамериканские конгрессы по вопросам образования трансформировались в генеральную ассамблею организации, включившую представителей и официальные делегации на высшем уровне государств-членов. Органами управления наряду с генеральной ассамблеей выступают также руководящий совет из министров образования стран-участниц или их представителей во главе с ротационным председателем, а также постоянно действующий генеральный секретариат. Головной офис организации находится в Мадриде, региональные отделения — в Аргентине, Бразилии, Испании, Колумбии, Мексике, Перу, Сальвадоре; местные отделения — в Гватемале, Гондурасе, Доминиканской Республике, Никарагуа, Чили, Эквадоре. Финансирование деятельности организации и ее программ происходит посредством обязательных и добровольных взносов.

В рамках данного объединения с 1991 г. функционирует институт ибероамериканских конференций — регулярных встреч глав государств и правительств 22 стран Латинской Америки и Европы (Испании, Португалии и Андорры), где говорят на испанском и португальском языках. Ежегодные ибероамериканские конференции претендуют на роль привилегированного форума для политических консультаций и выработки совместных действий в отношении различных угроз регионального и международного характера.

Главными целями Организации ибероамериканских государств провозглашены содействие взаимопониманию, сотрудничеству, солидарности и миру между ибероамериканскими народами на

центральном и региональном уровнях в таких областях, как образование, наука, технологии, культура; развитие образования и культуры; обмен опытом региональной интеграции (в Европе и Латинской Америке) в различных сферах — экономической, политической и культурной; укрепление ибероамериканской идентичности; поддержка распространения испанского и португальского языков во всем мире².

Накануне глобального финансово-экономического кризиса в рамках системы ибероамериканского сотрудничества была запланирована реализация 18 программ, ежегодный бюджет которых был равен 100 млн евро. Среди них — Программа развития национальных библиотек стран Иberoамерики, Программа поддержки развития архивов государств Иberoамерики, Иberoамериканское образовательное телевидение, Сеть дипломатических архивов Иberoамерики, План обучения грамоте и начального образования детей и взрослых, Иberoамериканская программа обучения грамоте и начального образования взрослых, Иberoамериканская программа межинституционального сотрудничества в целях содействия малым и средним предприятиям, Использование сетевого взаимодействия в чрезвычайных ситуациях, Киберамерика, Иberoамериканский центр стратегического развития городов, Иberoамериканская программа научных и технологических разработок для развития, Иberoамериканская программа обучения в сфере государственного управления. Важным институтом многостороннего сотрудничества ибероамериканских стран стали отраслевые совещания на уровне глав министерств и ведомств [26; 37].

Успехи Организации ибероамериканских государств по сравнению с другими аналогичными международными межправительственными структурами во многом объясняются не только широким распространением испанского языка в Латинской Америке, но и стремлением Испании как средней региональной державы добиться сначала (в годы франкизма) выхода из дипломатической изоляции, а затем — приобрести особый статус в глазах руководства ЕЭС, вступление в которое было главным внешнеполитическим приоритетом страны на протяжении многих лет [11, с. 103—118; 21].

Институциональное оформление идей ибероамериканизма имело и прагматическую экономическую подоплеку: итогом налаживания особых связей бывшей метрополии с латиноамериканскими странами стало значимое присутствие испанских ТНК на рынке региона, составивших весьма успешную конкуренцию американским компаниям. В свою очередь, несомненные социально-экономические и внешнеполитические достижения Испании в по-

² См. учредительные и нормативные документы Организации ибероамериканских государств [32].

следние десятилетия заставили государства Латинской Америки по-новому взглянуть на прежнюю метрополию. На наш взгляд, функционирующие организации и институты Иberoамериканского сообщества наций позволяют трактовать последнее как специфичную модель транснационального пространства.

Тем не менее следует признать влияние на внешнюю политику Мадрида нынешнего глобального финансово-экономического кризиса, крайне негативные для страны последствия которого, по сути, поставили под угрозу позиции испанского государства на мировой арене, в том числе на иberoамериканском направлении. Проблема задолженности на всех уровнях (государства, частных компаний, рядовых потребителей), безработица, приближающаяся к 23% населения трудоспособного возраста, падение объема прямых иностранных инвестиций за рубеж, снижение рейтинговых показателей страны, пессимистичные сценарии будущего социально-экономического развития не позволяют надеяться на сохранение прежнего стойкого интереса Испании к проекту иberoамериканского сообщества. Эксперты в последние годы все чаще говорят о Латинской Америке как о забытом Испанией континенте, обсуждая, например, отсутствие впервые с 1991 г. главы испанского государства на XX Иberoамериканском саммите в Мар-дель-Плата (Аргентина) в декабре 2010 г. [28; 31].

Заключение

Многообразие интеграционных группировок в Латинской Америке свидетельствует о том, что поиск моделей интеграционного строительства, а значит, и формирования транснациональных пространств далек от завершения. Если экономические интеграционные проекты многие исследователи признают устоявшимися, то существующие в регионе транснациональные политические пространства переменчивы и крайне неустойчивы. Территориальные споры и иные конфликты между латиноамериканскими государствами, инертность одних, соперничество других, излишняя подозрительность третьих к тем, кто стремится играть роль «локомотива» или «ядра» интеграционных процессов, обилие экономических и социальных проблем, нестабильная внутривнутриполитическая обстановка — все это ослабляет формирование устойчивых транснациональных взаимодействий.

Этому в известной степени способствует и деятельность внешних акторов по включению Латинской Америки (полностью или частично) в формирующиеся те или иные транснациональные политические пространства (панамериканское, иberoамериканское и т.д.). Деятельность этих внешних акторов, усложняя междуна-

родную среду региона Латинской Америки и Карибского бассейна, одновременно предоставляет новые возможности расположенным здесь государствам для более активных действий в региональном и мировом масштабе.

Стратегия интеграции в Латинской Америке является политизированной, даже идеологизированной, и чрезмерно амбициозной, оставаясь при этом во многом имитационной, копируя европейский интеграционный опыт. Рассуждая в категориях политического пространства, следует признать, что, несмотря на процессы регионализации, Латинская Америка не представляет собой международно-политического региона, подобного Европейскому союзу. По всей вероятности, в перспективе может сложиться транснациональное политическое пространство на южноамериканском континенте. На возможность формирования в будущем единого транснационального региона Латинской Америки и Карибского бассейна будут влиять в первую очередь интеграционные процессы в Северной Америке. Скорее всего, малые государства Карибского бассейна с преобладанием английского языка в качестве официального, а также Мексика останутся за его пределами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Глазунова Е.Н.* Администрация Дж. Картера и попытки реформирования американской политики в «третьем мире»: проблема Панамского канала // Исторический опыт Америки: взгляд российских и американских историков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. С. 278—297.
2. *Григулевич И.Р.* Американский империализм против чилийского народа // Вопросы истории. 1978. № 11. С. 51—67.
3. *Дабагян Э.С.* Внешняя политика Венесуэлы в начале XXI века: основные направления // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 95—123.
4. *Дабагян Э.С.* Интеграция по-латиноамерикански [Электронный ресурс] // ПОЛИТ.РУ [Интернет-портал]. 08.06.2007 г. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/06/08/integracion/> (дата обращения: 06.02.2012).
5. *Каримова А.Б.* Региональное пространство в политической организации мира. М.: ИВ РАН, 2006.
6. *Комкова Е.Г.* Канада и НАФТА. Итоги и перспективы североамериканской экономической интеграции. М., 2005.
7. *Косолапов Н.А.* Международный регион и его политическое пространство // Транснациональное политическое пространство: новые реальности международного развития / Отв. ред. М.В. Стрежнева. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 23—36.
8. *Мартынов Б.Ф.* История международных отношений стран Латинской Америки (XX — начало XXI вв.). М., 2008.
9. *Окунева Л.С.* Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг. — 2006 г.). М., 2008.

10. *Посконина О.И.* История Латинской Америки (до XX века). М., 2005.
11. *Прохоренко И.Л.* Национальный интерес во внешней политике государства: опыт современной Испании. М., 1995.
12. *Прохоренко И.Л.* Территориальные сообщества в политическом пространстве современной Испании. М., 2010.
13. *Прохоренко И.Л.* Регионы Испании в политическом пространстве Европейского союза // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 1. С. 32—48.
14. *Сударев В.П.* Взаимозависимость и конфликт интересов: США и Латинская Америка во второй половине XX века. М., 2000.
15. *Сударев В.П.* США и Латинская Америка после окончания «холодной войны». М., 2004.
16. *Сударев В.П.* Межамериканская система: генезис и эволюция (конец XIX — начало XX века). М., 2008.
17. Транснациональное политическое пространство: новые реальности международного развития / Отв. ред. М.В. Стрженева. М.: ИМЭМО РАН, 2010.
18. *Фауст Й.* Недееспособность государства в Латинской Америке // Internationale Politik. 2002. № 8. С. 22—34.
19. *Хачатуров К.А.* Латинская Америка перед лицом глобальных устремлений США // История Латинской Америки: вторая половина XX века / Отв. ред. Е.А. Ларин; Институт всеобщей истории РАН. М., 2004. С. 523—551.
20. *Чумакова М.Л.* Латинская Америка: перемены в межгосударственных отношениях // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2010. № 1. С. 91—113.
21. *Яковлев П.П.* Иberoамериканское сообщество наций: генезис, эволюция, перспективы // Латинская Америка в мировой политике / Отв. ред. В.М. Давыдов; ИЛА РАН. М., 2009. С. 297—322.
22. *Berg G.* Does Latin America Comprise Transnational 'Subregions'? // The World Economy. 2011. Vol. 34. № 2. P. 298—312.
23. *Buzan B., Waever O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge, 2003.
24. Charter of the Organization of American States [Electronic resource] // The Organization of American States [Official website]. URL: http://www.oas.org/dil/treaties_A-41_Charter_of_the_Organization_of_American_States.htm (accessed: 24.02.2012).
25. Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC [Sitio oficial]. URL: <http://www.celac.gob.ve> (fecha de acceso: 23.02.2012).
26. Elementos de análisis para la integración de un espacio iberoamericano: economía, política y derecho / C. Díaz Barrado, M.G. Romero Morett (Coord.). Madrid, 2008.
27. European Union (EU) and Latin America [Electronic resource] // European Union [Official website]. URL: http://eeas.europa.eu/la/index_en.htm (accessed: 24.02.2012).
28. *Fernández Barbadillo P.* Iberoamérica, el continente olvidado [Recurso electrónico] // Grupo de Estudios Estratégicos [Sitio oficial]. URL: http://www.gees.org/files/publications/29092011124832_GEES%20Iberoamerica%20PFB.pdf (fecha de acceso: 24.02.2012).

29. *Hufbauer G.C., Schott J.J.* NAFTA Revisited: Achievements and Challenges. Washington, D.C., 2005.
30. *Langle L.D.* America and the Americas: the United States in the Western Hemisphere / 2nd ed. Athens (Georgia), 2010.
31. *Malamud C.* La Cumbre de Asunción y el futuro de las Cumbres iberoamericanas. ARI 157/2011 — 25/11/2011 del Real Instituto Elcano [Recurso electrónico] // Real Instituto Elcano [Sitio oficial]. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/america+latina/ari157-2011 (fecha de acceso: 24.02.2012).
32. Organización de Estados Iberoamericanos [Sitio oficial]. URL: <http://www.oei.es/estatutos.htm>; <http://www.oei.es/reglamento.htm> (fecha de acceso: 24.02.2012).
33. Political Space: Frontiers of Change and Governance in a Globalizing World / Ed. by Y.H. Ferguson and R.J. Barry Jones. N.Y., 2002.
34. *Porrata-Doria R.A.* Mercosur: The Common Market of the Southern Cone. Durham (North Carolina), 2005.
35. Relations between the European Union and Latin America: Bioregionalism in a Changing Global System // Ed. by W. Grabendorff, R. Siedelmann. Baden-Baden, 2005.
36. Revised Treaty of Chaguaramas Establishing the Caribbean Community Including the CARICOM Single Market and Economy [Electronic resource] // The Caribbean Community (CARICOM) [Official website]. URL: http://www.caricom.org/jsp/community/revised_treaty-text.pdf (accessed: 24.02.2012).
37. La Secretaría General Iberoamericana [Sitio oficial]. URL: <http://www.segib.org> (fecha de acceso: 23.02.2012).
38. *Simmons M.E.* La revolución norteamericana en la independencia de Hispanoamérica. Madrid, 1992.
39. Transnational European Union: Towards a Common Political Space / Ed. by W. Kaiser and P. Starie. L.; N.Y., 2005.
40. Transnational Political Spaces: Agents — Structures — Encounters / Ed. by M. Albert, G. Bluhm, J. Helmig, A. Leutzsch, J. Walter. Frankfurt am Main; N.Y., 2009.
41. Tratado para la Constitución de un Mercado Cmún (tratado de Asunción). Firmado: Asunción, 26 de marzo de 1991 [Recurso electrónico] // Mercado Comu'n del Cono Sur — MERCOSUR [Sitio oficial]. URL: http://www.mercosur.int/innovaportal/file/655/1/CMC_1991_TRATADO_ES_Asuncion.pdf (fecha de acceso: 24.02.2012).
42. *Ugarte M.* La Patria Grande. Buenos Aires, 2010.
43. Unión de Naciones Suramericanas (UNASUR) [Sitio oficial]. URL: <http://www.unasursg.org> (fecha de acceso: 23.02.2012).